

**СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ**

**ЭПОХА
ПОРЯДКА**

Валерий ШАРАПОВ

**Люди
без прошлого**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Люди без прошлого / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.— (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-202016-2

1970 год. Размеренную жизнь провинциального Плиевска внезапно нарушает череда жестоких убийств. Все жертвы — малозаметные мужчины, живущие в городке недавно. Именно это истораживает старшего лейтенанта угро Павла Болдина: чем привлекли убийцу простые работяги? Павел пытается подробнее узнать биографии погибших, но странно — истории их жизни до приезда в Плиевск словно растворяются в тумане... Новым потрясением становится убийство начальника угро. А вот это уже настоящий вызов органам правопорядка! Болдин понимает, что преступник намеренно перешел последнюю черту, за которой уже нет ни правил, ни логики, ни сострадания...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202016-2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Автобус трянуло на повороте — колесо провалилось в рытвину. Выпал бидон из рук задремавшей пенсионерки, покотился по проходу, весело брэнча, — хорошо, что пустой.

— Что же ты делаешь, ирод проклятый! — заголосила старушка — немощная, но обладающая развитыми голосовыми связками. — Да чтобы тебя дети родные так возили! Ни дна тебе, ни покрышки!

— Макарыч, в натуре, зеньки разуй, — пробурчал татуированный небритый товарищ в кепке, надвинутой на глаза. — Ты двадцать лет на маршруте, мог бы и вызубрить эти ямы.

— Пардон, граждане, — засмеялся седой водитель, — задремал малёк. Не было тут никаких ям, видать, «зиллок» шальной разбил! Откуда они только берутся?

— Откуда такие, как ты, берутся, — проворчала старушка.

Граждане возмущались, кто-то посмеивался: покатались, дескать, косточки пассажиров. Проворный отрок с копной засаленных волос подхватил бидон, сунул старушке и вернулся на место.

Павел неохотно открыл глаза. Дорогу когда-то закатывали в асфальт, этим ее достоинства и ограничивались. Проезжая часть петляла между скалами, в прорехах между глыбами зеленели леса. Вторая половина августа пока была теплой, почти без осадков. Впрочем, прогнозы на ближайшее будущее оптимизма не внушали — в средней полосе России обещали проливные дожди с похолоданием.

Встречный самосвал волочил за собой шлейф пыли. Старенький «ЛАЗ» угодил в густое облако — видимость пропала. Водитель сбавил скорость, избегая аварийной ситуации. Пыль развеялась, мелькнул дорожный знак «Гуськи». Потянулись плетни, завалившиеся заборы, яблоневые деревья со зреющими плодами. Деревушка явно не процветала. Проплыла изба сельсовета — над крыльцом развеялся красный флаг.

За деревней — информационный щит: «До Плиевска — 12 км».

Болдин машинально глянул на часы. Автобус опаздывал в конечную точку минут на двадцать. Это даже не опоздание — так, задержка. Стих

гул в салоне. Сидящая рядом девочка-подросток покосилась на молчаливого соседа и снова раскрыла потрепанных «Красных дьяволят». Родители ее, сидевшие сзади, дружно похрапывали. Настроение не улучшалось.

Павел снова закрыл глаза. Светлая полоса в жизни резко оборвалась, начиналось что-то беспроектное. Где она — безмятежная столичная жизнь? Еще неделю назад он — один из лучших сотрудников московского уголовного розыска, сыщик от бога. Квартира на улице Горького, оставшаяся от почившей тетушки (родители его погибли в вертолетной катастрофе на Камчатке еще пятнадцать лет назад), уважение коллег, масса друзей. Карьерная лестница тянулась в небо, надо было только забраться. Понимал, что это не само произойдет, но от работы не отлынивал. Звание капитана в тридцать лет — в общем, неплохо. Неделю не пробегал с четырьмя звездами на погонах — все рухнуло в один момент.

Обмывали новое звание в ресторане. Никогда не приветствовал он эти пьянки, а тут расслабился, решил, что можно. Давний завистник старлей Лемунов подливал водку, делался в доску своим. Казалось, что именно он — лучший друг и доброжелатель. Особо пьяным Павел не был, но осторожность потерял. Коллеги разошлись, остались самые стойкие. Возникли

представительницы слабого пола. Одна понравилась. Дамам было скучно, пересели к офицерам. Слово за слово, и как-то само поехало. Впоследствии всплывало подозрение, что это Лемуров провел успешную операцию, но доказать это Павел не мог.

Женские глаза запали в душу. Барышня лучилась обаянием, потешно морщила нос. Избегал Павел Болдин случайных связей, но тут бес попутал. Даму звали Мариэттой. «Ваша фамилия случайно не Шагинян?» — туповато шутил Павел. «Фу, какой вы, — смеялась новая знакомая, — Мариэтте Сергеевне 82 года, я так плохо выгляжу? Но в чем-то вы правы, я такая же активная, целеустремленная и иногда пишу стихи».

У остроумной особы было два высших образования. Дальше ничего оригинального: прогулка в парке за рестораном «Рапсодия», такси, помпезный дом на Кутузовском проспекте, ночь с восклицательными знаками! Мариэтта была приличной женщиной и, подобно Павлу, пала жертвой. Простились на рассвете, он поспешно сделал ноги, словно чувствовал подвох. Супругом Мариэтты оказался некий генерал-майор, главный инспектор Группы советских войск в Германии. Вернулся из командировки в тот же день и обо всем узнал. Доброжелатели постарались. Скандал был такой,

что тряслись стены на Петровке и отдавалось на Знаменке.

1937 год, по счастью, канул в Лету. Но последствия не замедлили сказаться. «Болдин, ты не охренел? — осведомился подполковник Зиновьев, когда Павел явился с объяснительной. — Засунь эту бумажку сам знаешь куда. Что прикажешь — гнать тебя из органов? А ведь еще вчера ты был моим лучшим оперативником... Если честно, я бы лично тебя расстрелял. Зачем мне эти головные боли? Ладно, увольнять тебя не будем, но Москве ты больше не нужен. И звания лишаешься, жди приказа. Теперь ты снова старший лейтенант, прими мои поздравления. И чтобы в ближайшие полгода в столице не появлялся. А там посмотрим. Единственное, что могу сделать, — перевод в Смоленскую область, в город Плиевск. Будешь работать простым опером. У них нехватка кадров, а местную милицию возглавляет мой хороший знакомый Ваншенин Егор Тарасович. Я ему звонил — тебя готовы принять. Исключительно ради нашей дружбы. Либо да, либо нет, другого не будет. Если нет, уходи из органов со всеми вытекающими. Если да... посмотрим, шум уляжется — когда-нибудь вернешься». «Как же так, Михаил Евдокимович? — голос Павла предательски дрожал. — Я же столичный житель, у меня квартира в Москве...» «Ты прежде всего

советский человек, — отрезал Зиновьев, — куда послала Родина, там и приносишь пользу. Семьи у тебя нет, квартиру законсервируешь. По месту службы получишь комнату в общежитии. Можешь приезжать в Москву, но чтобы в Управление ни ногой! Все, иди — и не просто иди, а... сам знаешь».

История вышла пронзительно печальной. С Мариэттой больше не виделись — прошел слухок, что главный инспектор посадил жену под замок. Коллеги сочувствовали, но помощь не предлагали. В принципе отделался легко, могло быть хуже. Увольняться из органов Павел не хотел, прикипел к профессии. Даже интересно стало — что же будет дальше...

Судя по всему, ничего хорошего. 90 километров к западу от Смоленска. Да и сам Смоленск, мягко говоря, не центр вселенной. Информация о Плиевске практически отсутствовала. Райцентр, 20 тысяч населения, не город, не деревня, но места красивые — ельники, черничные боры. С одной стороны — река Каинка, вполне полноводная, приток Днепра, с другой — красивейшее Лебязье озеро в окружении величественных скал. В городе всего две приличные улицы — Пролетарская и Героев Труда, а все прочее — переулки, боковые проезды и тупики. Несколько промышленных предприятий, элеватор. Контингент

не особо криминальный, исправительных колоний в округе нет...

Павел приоткрыл один глаз. Татуированный товарищ пялился в окно. Пассажир был явно с биографией, но вел себя мирно, возможно, завязал с прошлым.

Автостанция находилась на восточной окраине Плиевска — не лучшее расположение. Водитель раскрыл двери посреди глинистого пустыря, окольцованного лачугами. Часть пассажиров побежала на остановку — здесь находилась конечная курсирующего по городу маршрута.

Павел не спешил, закинул на плечо спортивную сумку, закурил «Яву» с фильтром. Местечко, как и ожидалось, депрессивное. Частные дома, западнее — двухэтажные бараки. На фасаде одноэтажной автостанции транспарант: «26 сентября — 27-я годовщина освобождения города от немецко-фашистских захватчиков!» Шел 1970 год от Рождества Христова, которое в Советском Союзе решительно отменили.

Павел двинулся пешком — ноша к земле не тянула. Городские окраины оставляли гнетущее впечатление. Со времен войны тут мало что изменилось. Частные дома сменились бараками, выросли пыльные тополя. Дул прохладный ветерок — предвестие грядущего похолодания. Но сегодня можно было куртку не застегивать.

Городок тянулся с востока на запад. Севернее протекала Каинка, на юге за скалами раскинулось озеро — возможно, единственная достопримечательность города. В частном секторе кудахтали куры и лаяли собаки. С лязгом и копотью работали механические мастерские. Люди озадаченно поглядывали на необычно одетого незнакомца.

За бараками пролегал пустырь со свалкой. Из живых существ — только собаки, все остальные работали или учились. Огибать горы мусора пришлось по проезжей части. Вся страна была такая — и при этом бодро шла к намеченной цели. Антураж красили только лозунги. «Верной дорогой идете, товарищи!» — значилось на воротах текстильной фабрики.

«А я, интересно, верной дорогой иду?» — подумал Павел, беспокожно озираясь.

Обнаружил табличку — «ул. Пролетарская» — и успокоился. За бараками тянулась вереница панельных пятиэтажек. В минувшие 60-е годы их строили везде — от черноморского юга до Крайнего Севера. Можно сколь угодно критиковать эти несуразные постройки с квартирами-клетушками, но жилищную проблему они облегчили. На детских площадках сохло белье, на газонах паслись коровы.

«Так вот она какая — смычка города и деревни», — подумал Болдин.

Центр Плиевска выглядел приличнее. Старые купеческие особняки перемежались зелеными зонами, остался в стороне городской парк, над ним — застывшее «чертово колесо». Работали продуктовые и промышленные магазины. За едой еще не давились, но товарный дефицит чувствовался даже в Москве. Проверять, как обстоят дела в провинции, пока не хотелось. Павел прошел мимо клуба с колоннами, мимо кафе с фривольным названием «Магнолия», мимо газораспределительной станции.

У трехэтажного здания отдела милиции, облицованного силикатным кирпичом, стояли микроавтобус «РАФ-977» с «милицейской» полосой и «ГАЗ-69» повышенной проходимости. У открытого капота курили люди в форме. Табличка на входе еще не утратила нарядный вид. Их меняли по всей стране два года назад, когда союзное и республиканские министерства охраны общественного порядка переименовали в министерства внутренних дел.

Проникнуть внутрь оказалось несложно. Дежурный изучил удостоверение, сопроводительные бумаги, пальцем показал — наверх. Лишних слов здесь на ветер не бросали. Павел поднялся по скрипучей лестнице, опасливо заглянул в полутемный коридор. Кабинет начальства находился недалеко от лестницы.

— Так-так, позвольте догадаться...— проворчал сидящий за столом товарищ, поднимая голову.

— Здравия желаю, товарищ майор,— поздоровался Павел,— капитан... м-м... старший лейтенант Болдин, командирован из Москвы...

— С единственным концертом? — товарищ в форме язвительно ослабил. Он был еще не стар, под пятьдесят, держал себя в форме, но кожа на подбородке одрябла и волос на голове осталось немного.— Насчет командировки — это ты сильно, приятель. Передо мной можешь не стараться. Зиновьев звонил, все про тебя рассказал. Ссылный ты, а не командированный... Ладно, не греют меня твои амурные истории, будем знакомы: Ваншенин Егор Тарасович.— Мужчина поднялся, протянул руку. В целом он выглядел весомо и убедительно.— Если ты и вправду так хорош, как расписывал Михаил Евдокимович, можем сработаться. Присаживайся.

В кабинете было прохладно, даже чересчур — все форточки нараспашку. Очевидно, майор милиции не относился к теплолюбивым созданиям.

— На работу примем, люди нам нужны,— бормотал Ваншенин.— Опытные кадры — на вес золота. Не скажу, что город стонет от криминала, но милиция должна быть на высоте, согласен? Можешь оформляться. Пойдешь

в отдел капитана Микульчина, это дальше по коридору, не ошибешься. Поселишься в общежитии в Конном переулке... не обращай внимания на название, там раньше работал конезавод, теперь макаронная фабрика. Что кислый такой? Хорошее общежитие, не расстраивайся. Кухня, душ, уборная — на этаже, зато комнаты просторные и стены толстые. Это для начала, посмотрим, как себя покажешь. Есть возможность встать в очередь на квартиру... Совсем ты скис, москвич, — подметил Ваншенин. — Ладно, не буду пугать. У нас страна свободная — всегда можешь в столицу вернуться. Устраивайся, знакомься с коллективом. Столовая — через дорогу. Кормят... нормально, — майор с усилием сглотнул. — Вечером топай в Конный переулок — комендант будет в курсе. Это недалеко, бодрой рысью за четверть часа добежишь. Не понравился наш городок? — смекнул майор. — Так он никому не нравится. Ничего, свыкнешься. По центру погуляй, на озеро сходи. Кстати, город скоро не узнаешь. Новый секретарь райкома товарищ Лапиков — чрезвычайно деятельный работник. Под его руководством принята программа благоустройства города. И даже средства выделены. Будем приводить Плиевск в порядок — свалки убирать, дороги в асфальт закатывать. Ладно, иди, — Ваншенин засмеялся, — а то расплачешься, а мне тут плаксы не нужны...

В просторном помещении, уставленном канцелярскими столами, гулял ветер, шевелил бумаги, едва закрепленную на стене карту района. Здесь не то что форточка — целая фрамуга была нараспашку. В углу возвышался сейф, со стены строго взирал основатель ВЧК, с обратной стороны — молодой и чернобровый Леонид Ильич Брежнев, генеральный секретарь ЦК КПСС (в общем-то, и в жизни не старый). В комнате находился единственный сотрудник — молодой паренек с узким лицом, ушастый и в очках.

— Добрый день, — поздоровался Павел, прикрывая дверь.

Сквозняк был такой, что без усилий не получилось. Молодой человек поднял голову, вздохнул. Пришелец был подтянут, аккуратно пострижен, одет необычно — в провинции зарубежная джинса была в диковинку.

— Добрый, — согласился молодой человек. — Хотя под каким углом посмотреть. Вы пришли сознаться в преступлении?

— Нет, — покачал головой Павел.

— А, понимаю, вы сын лейтенанта Шмидта, — догадался сотрудник. — Но это не к нам, это в исполком, а мы бедные.

— Снова не угадали. Болдин моя фамилия, старший лейтенант Болдин Павел Викторович, буду работать в вашем отделе.

— А, вы тот ссыльный, которого... — молодой человек не закончил, выразительно кашлянул. — Сочувствую, Павел. Про вас уже рассказали... извините. Располагайтесь, будьте как дома. Свободный стол вон там, — он кивнул на девственно чистый канцелярский стол в углу. — Только осторожнее, верхний ящик выпадает. Максимов вчера решил проверить, не осталось ли чего от вашего предшественника, так ему палец защемило.

— Спасибо, что предупредили... — стул под пятой точкой качнулся и издал подозрительный хруст, словно намекнул: не засиживайся. Верхний ящик Павел сразу вынул и пристроил за шторой — хватит двух.

— Закрою? — Болдин кивнул на окно.

— Зачем? — не понял молодой человек.

— Холодно.

— Ну, закройте, — парень пожал плечами. — Мы часто проветриваем. На свежем воздухе лучше думается.

— Есть о чем подумать? — Рассохшаяся рама с треском захлопнулась, задребезжало стекло.

— Конечно, — удивился молодой человек. — Мы же работники умственного труда. Некоторые считают, что оперативника ноги кормят, но это не так. Прежде подумай, а потом уж бегай. Чайкин, Борис, лейтенант милиции, — сотрудник снял очки и устремил на нового работника

подслеповатый взгляд.— Деньгами не богат, товарищ? Обещаю, в получку отдам. Получка в пятницу, через четыре дня. Дотянуть бы на бреющем...

«Мальчик из бедной еврейской семьи»,— сообразил Павел, нашаривая купюры в кармане джинсов. В провинции таких встретишь не часто, но все бывает, места под солнцем жестко расписаны.

— Пять рублей хватит? — Павел извлек сиреневую купюру с изображением Спасской башни Кремля.

— Ух ты! Балуете,— восхитился Чайкин, выбрался из-за стола, прибрал пятерку и вернулся на место, сделав лицо погорельца.— Зарплата у нас, конечно, хорошая, но маленькая, вечно не хватает. Когда отменят наконец эти деньги? Что слышно в Москве?

Вопрос, кстати, был архиважный. Деньги обещали отменить при коммунизме — как абсолютно ненужное звено между человеком и товаром. А до коммунизма оставалось десять лет — так сказали на XXII съезде КПСС. В историческом плане — просто секунда. Восторжествует социальная справедливость, каждый будет отдавать по способностям, а получать по потребностям.

— В ближайшей перспективе деньги не отменят, плохо работаем. Давно в этом городе, Борис?

— Давно,— вздохнул Чайкин.— Учился в Пскове, прокурором хотел стать, да не сбылось. Родители умерли, от бабушки ушел... У меня такая, знаешь, бабушка,— Борис заулыбался,— ей бы в гестапо работать. Потом женился, до Смоленска не доехал, задержался в Плиевске... В общем, непонятно все,— заключил Борис.— Без бутылки не разобраться.

— Понятно, что непонятно,— улыбнулся Павел.— Ничего, жизнь наведет порядок. Что по работе? Серьезные дела бывают?

— А как же,— Чайкин засмеялся.— Все вот ушли, сижу на телефоне, работаю. Нужно было книжку взять, да Микульчин ругается... это наш начальник отдела. Рутинка у нас,— признался Борис.— Не Москва, где страсти кипят. Убийства только бытовые или мужики по пьяни чего не поделают. Банды не орудуют — на чем им тут поживиться? Беглые зэки не лютуют — до ближайшей колонии верст двести с гаком. Тоска, поручик... Драки, поножовщина, семейные дразги, доходящие до рукоприкладства. Не только мужики своих избранниц дубасят. На той неделе гражданка Протасова так отделала мужа сковородкой, что чуть череп не раскрыла. Мужик до автомата кое-как доплелся в милицию позвонить. Seriously, чуть не убила своего благоверного. И было за что — этот утырок всю зарплату пропил. Вообще всю. Стоило бабе

к сестре на пару дней уехать, так он закатил пир горой со своими дружками...

— Арестовали бабу?

— Не стали, все правильно сделала. К черту мужскую солидарность. Гнать таких надо из семей... или сковородки о них ломать. Вся лестничная площадка Протасовой аплодировала. А мы народная милиция — не можем пойти против народа, соображаешь? Ну, погорячилась, бывает. Мужик-то жив. Нам интересно даже стало — где она так драться научилась? Микульчин предложил ей пару уроков операм преподать — показать, как надо обезвреживать хулиганов... А больше и вспомнить нечего.— Чайкин устремил задумчивый взгляд в потолок.— Девятого числа кассу на ремонтном заводе пытались взять — аванс привезли и оставили на ночь, дураки... Но дилетанты попались: сейф поковыряли, вскрыть не смогли, а связанный сторож прекрасно слышал, как они друг друга по именам называли. Потом и взяли по его показаниям: троих молодчиков-тунеядцев из деревни Быково. Дурачье, короче. В школе плохо учились, иначе знали бы, что сейф стамеской не вскрывают и пилкой по металлу его не возьмешь. Теперь зона всему научит... 15-го числа квартиру взломали на Героев Труда — нормальная трехкомнатная квартира, последний этаж. Забрали меховые изделия, деньги,